

ЗАПИСКИ КУПЧИНСКОГО ГОПНИКА

От
трижды
обладателя
профессиональной
журналистской премии
"Золотое перо"

ГЛЕБ СТАШКОВ

Глеб Сташков

Записки купчинского гопника

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/8912675>

Записки купчинского гопника / Глеб Сташков: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-081969-0

Аннотация

Автор этой книги – пожалуй, самый ироничный питерский колумнист, обозреватель журнала «Город 812», дважды обладатель премии «Золотое перо», журналист, «которого редакторы все время просят о чем-то написать».

И он пишет – о политике, образовании, спорте, ЖКХ, балете и русском хамстве, которое, по мнению автора, есть национальная гордость наряду с балетом.

Издатели этой книги тоже попросили «о чем-то» написать – и получились «Записки купчинского гопника».

«Из всех спальных районов Купчино – самый спальный. Из всех многоэтажек наши – самые однотипные. И только средние школы у нас не самые средние, а самые худшие.

У нас чаще всего лопаются трубы и трескается асфальт. К нам реже всего приезжает начальство и чаще всего – гастарбайтеры. Нам быстрее доехать до Царскосельского лица, чем до Эрмитажа. Но мы в лицей не ездим. Равно как и в Эрмитаж.

А вообще-то у нас живет математик Перельман. Но его все равно никто никогда не видел».

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глеб Сташков

Записки

КУПЧИНСКОГО ГОПНИКА

© Сташков Глеб, текст, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава первая

Дом

Телефон звонил и, вибрируя, сползал к краю журнального столика, пока не рухнул на пол.

Я протянул руку:

– Слушаю.

– Это с канала ДТВ, – раздался женский, а скорее даже девический голос. – Вы помните?

– Я не смотрю телевизор.

В трубке послышалось сопение, за которым чувствовалась напряженная мозговая деятельность. Вскоре стало ясно, что напряженная деятельность не привела к осязуемым результатам:

– Это с канала ДТВ. Вы помните? – повторил девический, определенно девический, голос.

– Я не могу помнить ваш канал, я не смотрю телевизор. И вообще я хочу спать.

– Но мы же договорились встретиться.

– Да? Очень интересно. Это меняет дело. Не то чтобы совсем меняет, но может изменить. Я, знаете ли... Неважно. Тебя как зовут?

– Аня.

– Слушай, Аня, давай встретимся вечером, как все нор-

мальные люди. Я пока не очень в форме, я пока, можно сказать, в штатском.

– Разве мы переходили *наты*? – А разве нет?

– Нет, – отрезала Аня.

– Так чего ты, то есть вы, от меня хотите?

– Я жду вас. С бригадой.

– С бригадой? – Я слегка смутился. – Если с бригадой, значит, мы, вероятно, уже встречались. И, вероятно, не очень удачно. Какие у вас ко мне претензии?

Аня засмеялась. Даже не засмеялась, а как-то внезапно всохотнула. Нет, внезапно взоржала, вот как будет правильно.

– Я поняла, вы так шутите. Издеваетесь над молоденькой девочкой-практиканткой.

Вообще-то над молоденькими девочками-практикантками я издеваюсь совершенно не так.

– Короче говоря, – сказала Аня, – через час мы встречаемся на проспекте Славы и вы устраиваете нам обещанную экскурсию. Вспомнили?

Ничего я не вспомнил. Что я могу вспомнить? Помню только, что вчера ко мне пришел Артур. Следовательно, мы пили. Мы всегда, когда встречаемся с Артуром, пьем. Когда-то мы вместе готовились к экзаменам. И не пили. А потом, будто желая наверстать упущенное, стали пить при каждой встрече.

Артура, кстати, зовут Артурик. Он по паспорту Артурик

Суменович Меликян. А его родной брат по паспорту Фердинанд. Что должно быть в голове у родителей, чтобы одного сына назвать Артурик, а второго – Фердинанд? Я понимаю, если одного назвать Фердинанд, а второго – Герберт. Или одного – Артурик, а второго – Жоржик. Но Артурик и Фердинанд – это выше моего понимания.

Природа тоже возмутилась, что ее убогих пасынков нарекли таким чудным образом. А природа шутить не любит. Или любит? Любит. Но зло. Природа любит злые шутки. И природа зло пошутила над незадачливыми родителями. Впрочем, расхлебывать пришлось детям. Ни один из братьев решительно не подходил к своему имени. Невысокий, хрупкий и несколько женоподобный младший брат носил грозное имя Фердинанд, а рядом с ним возвышался 120-килограммовый бородатый Артурик.

Я всегда называл его Артуром. Обращаться к взрослому мужику уменьшительно-ласкательным именем Артурик – это нелепо, смешно и вообще весьма двусмысленно. Если я называл его Артуриком, то окружающие – в свою очередь – называли меня Педиком. А я не люблю, когда меня так называют, тем более что это неправда. И тем более что педиками называли нас обоих. А Артурик еще больше, чем я, не любит, когда его так называют.

Однажды в ночном клубе Fireball, что на Альпийском, он долго бил такого вот называльщика. Очень долго. Пока друг называльщика не подкрался сзади и не разбил об артуриков

затылок пивную кружку. К счастью, дело было рядом с туалетом, так что кровь из затылка благополучно вытекла в раковину, после чего мы перевязали голову принесенным из бара полотенцем и уселись пить виски.

Вчера Артур пришел ко мне с литром водки. Он был возбужден. Он выступал по телевидению и дискутировал по поводу ЖКХ. И требовал, чтобы я посмотрел передачу в интернете.

Мы посмотрели. Внешне Артур выглядел неплохо. Внушительно. Солидно. Он был немногословен. Собственно, право говорить Артур предоставил своему оппоненту, который с удовольствием этим правом воспользовался. Его плавно, словно говно по трубам, текущую речь Артур время от времени перебивал короткими репликами двух типов: «И чё?» и «Ну и чё?» Когда Артур, наконец, собрался с мыслями и произнес относительно длинную фразу, а именно: «Я вот чё хотел сказать», – передача закончилась.

Я поздравил Артура с теледебютом, мягко ввернув про первый блин, который не всегда выходит нужной формы.

А потом мы пили.

– Ты знаешь, кто такой Борхес? – спросил Артур после четвертой рюмки.

– Приблизительно, – сказал я.

То есть сначала я совсем ничего не говорил. Сначала я удивлялся. Не сказать, чтобы Артур был ценителем и знатком литературы. Лет двадцать назад он прочитал Ремарка,

решил, что это абсолютная вершина, и прекратил знакомство с литературой, дабы в дальнейшем не испытать разочарования.

А тут вдруг Борхес.

– В новелле «Четыре цикла» Борхес утверждает, что во всей мировой литературе существует только четыре сюжета.

– Выпьем.

Мы выпили.

Я надеялся, что в процессе выпивания рюмки и закусывания малосольным огурцом по 104 рубля за банку Артур забудет своего дурацкого Борхеса. Он не забыл.

Итак, Борхес уверял, что существуют всего четыре сюжета и четыре героя. Первый сюжет – это обороняющийся город. Троя. Защитники Трои знают, что они обречены. И Ахилл, который штурмует Трою, знает, что он обречен. В общем, все знают, что они обречены, но все равно мучают себя и других.

Второй сюжет – история возвращения. Та же Троя и Одиссей, который возвращается домой, где его, откровенно говоря, не очень-то ждут. В третьем сюжете герой не возвращается, а, наоборот, уходит и чего-то ищет. Как Ясон, который ищет золотое руно. Наконец, четвертый сюжет – самоубийство бога. Тут Артур ничего внятного объяснить не смог, что не мешало ему восхищаться глубиной и оригинальностью Борхеса. Четыре сюжета – и больше ничего. За всю историю человечества – ни сюжетом больше. Артур решил даже написать роман, вернее – четыре романа.

– Не нужно, – говорю, – писать четыре романа. Роман один. И герой один. И каждый божий день в твоей жизни случается роман, который включает все четыре сюжета.

– Не кощунствуй, – сказал Артур.

Я пожал плечами. Слушай, коли не веришь.

– Сначала ты, как Ясон, отправляешься в путь. Тебя манят дальние страны, влекут неведомые земли, и сердце твое замирает в предвкушении подвигов и приключений. Ты ищешь свое Эльдорадо, – я взял сигарету, щелкнул зажигалкой и медленно затянулся. – И Эльдорадо твое – это кабак, в котором сто грамм стоят не дороже восьмидесяти рублей. И можно смело принять на грудь. И повторить, и повторить трижды.

– Трижды – мало.

– Конечно, мало, – сказал я, доливая остатки. – Ты повторил бы и восемь раз, но в кабаке, естественно, нет мест. Потому что в гадюшниках, которые ты посещаешь, никогда нет мест. Ты осаждаешь кабак, прекрасно зная, что в любом случае обречен. Парис уже натянул свой лук, и ты, бесстрашный Ахиллес, обречен ужраться в сракотень, что и делаешь в течение получаса. Потом, как хитроумный Одиссей, ты возвращаешься домой. Поскольку ужрался ты в реальную сракотень, по дороге тебе встречаются и сивиллы, и циклопы, и андромеды, и прочие телемахи.

– Гопники, – сказал Артур. – По дороге мне обычно встречаются гопники.

– Гопники, пожалуй, похуже циклопов. Гопники – это Сцилла и Харибда. Но ты проскальзываешь между Сциллой того, чтобы навалить им, и Харибдой того, чтобы огрести самому. А на утро просыпаешься и понимаешь, что вчера бог конкретно самоубился. А если не самоубился, так его самоубьет твоя Пенелопа.

– Наташка, что ли?

– У тебя есть другая Пенелопа?

Артур задумался. Затянулся красным винстоном и грустно спросил:

– Так просто?

– Все в жизни просто, если не читать Борхеса.

Сами понимаете, мы были бы распоследними пижонами, если бы после этого не сгоняли за вторым литром.

И теперь я перед вами. Ничего не помню, ничего не знаю, а мне звонит какая-то Аня. С бригадой.

Захожу на кухню. На столе записка. «С собакой погулял. Похмельиться оставил. Тебя с утра ждут телевизионщики. Расскажи им про Купчино. Артур».

Так вот оно в чем дело. Рассказать про Купчино. Расскажем, не вопрос. Когда написана эта записка? Ближе к вечеру или ближе к утру? Будем считать, что ближе к утру. Значит, с собакой можно не гулять. Можно сразу идти к телевизионщикам, благо спал я, не раздеваясь.

Выхожу из квартиры и натыкаюсь на соседку.

– Когда ты помоешь пол? – спрашивает соседка.

Это она лестничную клетку имеет в виду.

– Никогда.

Это я тоже лестничную клетку имею в виду.

У меня плохая соседка. Она громко ругается по ночам и, говорят, колдует. Насчет колдовства точно не скажу, а ругается громко. С дочкой.

У дочки жизнь не сложилась. Как говорили очеркисты былых времен, дочка – человек сложной судьбы. Потому что она дура.

Рассказ про ружье на стене, которое то не стреляет, то стреляет, да не туда

Много лет назад дочка завела себе травматический пистолет. Зачем – ума не приложу. Уверяла, что боится изнасилования. Никто ей не верил. Она и так давала всем, кто хотел. И всем, кто не очень хотел, тоже давала. Иногда умудрялась дать и тем, кто совсем не хотел.

Пистолет она обожала. Ловко выхватывала из сумочки двумя руками, чуть приседала и, вытянув руки, кричала: «Пиф-паф». Когда они приседала, мини-юбка задиралась выше положенного, поэтому мы каждый день знали, какого цвета у нее сегодня нижнее белье. Иногда нижнего белья вовсе не оказывалось.

Однажды на улице ее обступили какие-то гопники. Они, наверное, ничего плохого в виду не имели. А может, имели, кто их разберет.

– Ты чего? – спросили гопники.

– Ничего, – ответила соседкина дочка. – А вы чего?

– Мы ничего, – ответили гопники. – А ты чего?

– А я ничего, – ответила соседкина дочка. – Я в магазин иду.

– А зачем? – спросили гопники.

– А ни зачем, – ответила соседкина дочка.

Такой разговор может продолжаться часами. Он и сутками может продолжаться. И, как правило, не ведет ни к каким последствиям. Однако на этот раз соседкина дочка решила выпендриться. Она напряглась, робко достала пистолет и начала целиться то в одного, то в другого гопника. Кто-то говорил ей, что травматическим пистолетом можно убить. Убить она не хотела. И покалечить не хотела. Она сама не знала, чего хотела. Стояла и трусила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.